

ховный стих. На втором курсе у меня была тема курсовой работы: «Духовные стихи о Егории Храбром на территории бывшей Олонецкой губернии». Я эту тему уже облюбовал, Эрна Васильевна подсказала. И я первые «Муки Егория» от него записал: «Наезжал царище Кудреянище, Кудреянище, да сам наянище...»

Каково было ваше общее впечатление о деревнях, людях, которых вы встречали?

Когда мы ездили, это были весьма еще живые деревни — много людей. Но каждая третья изба, каждый третий дом уже рушился. Когда крыша начинает течь, тогда дни его уже сочтены. Стоишь, смотришь: полотенца деревянные, выходы высокие, балкончики наверху, и выйти страшно — рухнешь вместе с ними. Много таких было. Женя фотографировал эти умирающие дома, умирающие деревни. О людях самые приятные воспоминания. Приходим, шесть человек: два парня, четыре девчонки, где-то к девяти вечера. Бабушка, одна живет. «Ой, бажонье, ой, бажонье², проходите!» Если печка горячая, сразу нас раздевает, всё это кладет сушить. Если нет, она тут же растапливает, самовар на стол, напоят чаем с калитками, задаст вопрос: «Кто вы и зачем идете?» Вот такое чисто восточное гостеприимство. Но что меня еще удивило, и не только в Заонежье. Где-то на Тамбичозере, по-моему, хозяин подарил нам маленькие грузила, голыши. Причем не просто голыши для тяжести, а как будто бы отобранные художником — он, может, из двадцати один выбирает — разноцветные такие. Сверху оплетены берестой. А поскольку это уже чуть ли не сто лет назад делалось — так как будто единое целое. Пожалуйста, грузила.

Примечания

¹ На третий год экспедиции, в 1958 г., Юрий Александрович был руководителем одного из двух отрядов экспедиции, работавших на Пудогге, Кенозере и в Каргополье. — Д.А.

² Ср. *бажаный, бажонный* — олон., арханг., заонеж., новг., вологод., влад., вят., твер., калуж., перм. 'милый, любимый, желанный, дорогой' (ласковое обращение) (Словарь русских народных говоров. Вып. 2. Л., 1966. С. 45). — Прим. редакции.

Интервью

Д.Д. АБРОСИМОВОЙ

(Государственный музей-заповедник

«Киж»)»

Л.И. ИВАНОВА

ФОЛЬКЛОР КАРЕЛОВ-ЛЮДИКОВ: ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Среди карельского населения республики традиционно выделяют три основные диалектные группы: северных собственно карелов (их язык наиболее близок финскому), южных карелов-ливвиков (испытавших наибольшее влияние русского языка) и карелов-людиков (их диалект содержит значительный вепсский субстрат).

Как отмечает А.П. Баранцев¹, последние проживают в ряде деревень юго-восточной Карелии, которые узкой прерывистой цепью тянутся от реки Свирь и ее притока Важинки через нижние участки рек Шуи и Суны до озера Сандаля. Это часть территорий Олонецкого, Пряжинского и Кондопожского р-нов. Наиболее крупными поселениями являются Михайловское, Святозеро, Пряжа, Виданы, Спасская Губа, Святнаволок, Пялозеро, Юркостров, Тивдия, Ерши, Сележское, Сопоха, Койкоры.

Традиционная людиковская территория включает в себя полностью обрубившие деревни Половину, Логмозеро, Нижние Виданы, Кончезеро. Здесь же возникли города Петрозаводск и Кондопога, которые наряду с пришлым (часто многонациональным) населением рабочих поселков (Интерпоселок, Матросы, Шуйская Чупа, Гирвас) оказали огромное влияние на быт и нравы карелов-людиков.

Людики уже в начале XX в. были самой малочисленной группой карелов. В 1905 г. их насчитывалось немногим более 10 тыс. человек. К 1970-м гг. их численность не превышала 6—7 тыс. Такое быстрое сокращение объясняется в первую очередь соседством с русским, а в рабочих поселках и с украинским и белорусским населением, в результате которого происходила активная ассимиляция и миграция людиков. Сыграла свою роль и Великая Отечественная война, во время которой многие людики были эвакуированы на русскую территорию.

Следует отметить и еще одну деталь. На карелов-людиков огромное влияние оказывало соседствующее с ними ливвиковское население. Уже в XIX в.

в исконно людиковских деревнях жило много ливвиков. Именно с ними, в первую очередь благодаря языковой близости, происходила самая активная ассимиляция. Но если в самом людиковском диалекте присутствует сильное влияние вепсского языка, то на уровне фольклорной традиции выделить какие-либо явные особенности, отличающие ливвиков от людиков, практически невозможно. Фольклорные жанры, образы, обряды и верования у этих групп карелов едины. Однако вследствие большего русского влияния у людиков чаще пелись русские песни. Они часто даже причитывали по-русски. У ливвиков русский субстрат в причетной традиции никогда не фиксировался.

Уже в XIX в. в традиционных людиковских деревнях жило много карелов-ливвиков. Известного рунопевца Архиппа Муйлачу из Эльмитозера и его внучек, знавших сказки, причитания, руны, Марию Федоровну Архипову (1866—1936) и Анастасию Федоровну Никифорову (1888—1971) следует отнести к ливвикам, несмотря на то что проживали они в людиковских деревнях (Вохтозеро и Спасская Губа).

Долгое время и в финской, и в русской научной литературе эту территорию было принято называть «беспесенной»². Объяснить это можно лишь малой обследованностью традиции. Материалы, хранящиеся в Научном архиве Карельского научного центра и Фонограммархиве Института языка, литературы и истории, и даже экспедиции XXI в. полностью опровергают эту точку зрения.

Первыми людиков посетили финские фольклористы. В 1845 г. Д. Европеус в Святозере записал произведение, переходное от калевальской метрики к прозаическому, сказочному изложению, под названием «Сказка (starina) кузнеца Илмаринена». У ливвиков прозаические сказки об Ильмоллине были довольно распространены. Запись Д. Европеуса интересна тем, что в ней на 3—4 стихотворные строки приходится прозаическая фраза. Исполнитель руны неизвестен. К сожалению, на первоначальном этапе изучения уст-

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА ИВАНОВА, Ин-т языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск)

ного народного творчества роль авторского начала (роль самого сказителя) в фольклорном произведении недооценивалась. Поэтому собиратели не только не уделяли внимания личности исполнителя, но даже не записывали его имя. В этой руне контаминируются два сюжета: основной — о сватовстве в Хийтоле и в кратком изложении — «Золотая дева». Интересно, что здесь выкованная кузнецом жена не золотая, а медная (это, видимо, чисто бытовая деталь: медь была более знакома деревенским жителям, чем золото, и в то же время более ценна по сравнению с железом).

В 1871—1872 гг. у лудиков побывали фольклорист А. Борениус и языковед А. Генетц. Последний посетил Святозеро, Спасскую Губу и Уссуну, записал две сказки, бытовые рассказы, но основное внимание сосредоточил на описании лудиковского диалекта.

Самой значительной находкой А. Борениуса стал *Kostin Gordii* по прозвищу *Näkki* (Бык) из д. Пелдожа. Его имя традиционно переводят на русский язык как Константин Гордеев. Но правильным переводом будет все-таки Гордей Костин, и эту поправку следовало бы ввести в карельское эпосоведение. От него были записаны две художественно полноценные руны: «Сватовство в Хийтоле» и «Морские женихи» (SKVR³. II. 97). Традицию деда перенял его внук, Василий Архипович Гордеев, разносторонне одаренный сказочник и рунопевец. Его в 1938 г. записывали студенты во время экспедиции в Пряжинский р-н, позже В.Я. Евсеев.

Летом 1892 г. по поручению Императорского Географического общества в поездку по южной Карелии отправился Н.Ф. Лесков, уроженец с. Святозеро. Судя по материалам, опубликованным в «Живой старине», он больше записывал карелов-ливвиков, хотя посетил и деревни, в которых проживали лудики — Пряжу и Святозеро. В 1893 г. он опубликовал лудиковские пословицы и загадки. Записал он и эпические песни. Одна из них, о сватовстве Илмаллиненна, опубликована в SKVR (II. 96). Записана она в Бородиннаволоке, рядом со Святозером, от Катерины Туру. Текст состоит из 484 стихов и в художественном отношении считается очень ценным. Но, к сожалению, от этой исполнительницы больше никто ничего не записал. При этом стоит отметить, что, судя по языку, этот текст скорее ливвиковский. Н.Ф. Лесков сожалел, что мало записал во время

этой поездки, оправдываясь собственной малоопытностью и скрытностью карел. При этом он подчеркивал обилие песен на ужасно исковерканном русском языке⁴.

В 1908 г. в Петербурге был издан маленький русско-карельский словарь, подготовленный школьным учителем из Святозера М.Д. Георгиевским. Пятую часть в нем занимает предисловие известного русского академика Ф.Ф. Фортунатова.

В 1905 г. Юхо Куйола посещает северных и южных лудиков и в 1944 г. издает словарь лудиковского языка. В 1946—1950-е гг. выходит в свет двухтомная историческая фонетика лудиковских говоров Аймо Турунена.

Огромный материал о жизни и верованиях карелов-лудиков собрал Пертти Виртаранта. В 1963—1984 гг. опубликованы три тома лудиковских текстов, записанных от уроженца д. Галезеро С. Годарева. Вообще работы этого финского исследователя уникальны. Они посвящены всем трем группам карелов и детально освещают их быт, верования, обряды и фольклор. Их перевод на русский язык был бы прекрасным памятником всем носителям карельского языка, доступным и русскоязычному читателю.

В отличие от северной Карелии и южного приграничья на лудиковскую территорию финские ученые выезжали редко, так как она находилась вдалеке от границы. Для русских исследователей преградой был языковой барьер. Именно поэтому основное эпическое наследие лудиков, к огромному сожалению, осталось незаписанным.

В 1930 г. был организован Карельский научно-исследовательский институт, преобразованный в 1937 г. в КНИИ культуры. С этого времени началось планомерное исследование национальных языков, фольклора и этнографии.

В 1938 г. к лудикам выезжают студенты ЛГУ, собирает эпос В.Я. Евсеев. В результате были записаны руны и сказки от Василия Архиповича Гордеева, уроженца Пелдожи, и А.В. Чесноковой, жительницы Святозера. Кроме их богатого репертуара от лудиковских карел собраны эпические песни «Весть о смерти родных» (5 вариантов), «Жена жалуется на мужа» (7), баллады «Выкуп девушки» (8), «Огой и Гаврой», «Поиски брата (гуся)», «Унтамо и Каллерво» и др.⁵

Самым исследованным населенным пунктом на лудиковской территории можно считать село Михайловское Олонецкого р-на.

В 1964 г. сюда выезжали У.С. Конкка и М.Ф. Пахомова, которая сама была из карелов-лудиков. Они привезли много песен (свадебных, лирических, танцевальных, протяжных, кадильных, «утушных») и частушек, правда, они почти все были на русском языке. От А.П. Фоминой удалось записать карельские плачи. В этом же году состоялась экспедиция А.С. Степановой и Х.Б. Кабановой к другой группе лудиков — в Сележский с/с Кондопожского р-на. Были обследованы деревни вокруг озера Сандал: Ерши, Тимойгора, Тивдия, Белая Гора, Ояжа. Данную поездку можно считать одной из самых успешных в истории собирания лудиковского фольклора. Руны, к сожалению, здесь уже не пели, говорили, что они остались только на севере (Lapissaseon). Записали много самых разнообразных песен, в том числе и очень редко исполняемых, например мешанский романс «Пастушка юная, младая». Но практически все они снова звучали по-русски, только уже гораздо чище, чем во времена Н.Ф. Лескова (сказывались процессы ассимиляции карелов русскими). Были единичные варианты и на карельском языке, например «Itkõuneiõoi». Собрали свадебные и похоронные причитания (многие из них на русском языке), баллады, предания, быличку о хозяйке риги. Зафиксировали подробное описание свадебного обряда от Е.П. Бабаровой и О.П. Фоминой. Но главной находкой были сказки, за которыми и ехала А.С. Степанова, до этого работавшая здесь учительницей. В результате привезли около 20 сюжетов, записанных в д. Ерши от свекрови и невестки М.И. (84 года) и И.Ф. (58 лет) Шатиных, в Белой Горе от М.С. Гришановой (77 лет) и др. В основном это сказки волшебные: «12 братьев» (СУС 451), «Мачеха и падчерица» (СУС 480 А), «Брат и сестра» (СУС 705), «Настасья краса, черная коса» и др. (СУС 725, 510 А, 480 В, 170, 158 АА). Записали также сказки бытовые и о животных. Несколько из них были включены в сборник южнокарельских сказок, составленный У.С. Конкка и А.С. Степановой.

В 1960—1980-е гг. у лудиков много работали языковеды. А.П. Баранцев, издавший сборник лудиковских говоров и монографию о них, записывал уроженцев Пелдожи и Михайловского (1965, 1969, 1970, 1983 гг.). В 1976 г. в Михайловское и Кондопожский р-н ездила В.П. Федотова. Записывала у лудиков и Н.Н. Мамонтова. В 1984 г. побывал в Гирвасе В.Д. Рягоев. Особо следует отметить его поездку

в Святозеро в 1968 г., во время которой был записан богатый причетный репертуар А.В. Чесноковой. В 1987 г. в Пряжинский и Кондопожский р-ны ездила И.И. Муллонен. В 1988 г. она же вместе с Н.Г. Зайцевой и В.Д. Ряговым собирали материал в Михайловском. В 1988 г. Н.Н. Пахомов (он сам пишет и стихи, и прозу на людиковском диалекте) ездил в Верховье и Михайловское. Следует отметить, что языковеды, уделяя основное внимание собиранию материала для сборников говоров и словарей, а позже — топонимики, привозили из экспедиции и разнообразные ценнейшие фольклорно-этнографические сведения о праздниках, обрядах, традиционной пище, утвари, одежде, предметах быта и орудиях труда, сельскохозяйственных работах, мужских и женских занятиях, народной медицине, верованиях и мифологической прозе.

В 1987 г. А.П. Конкка побывал в Спасской Губе, привез интересный материал о традиционных праздниках, обрядах и верованиях. Р.П. Ремшуева посетила Святозеро.

На протяжении последних десятилетий в Михайловское регулярно ездили музыковеды (правда, без знания карельского языка): Т.В. Краснопольская, И.Б. Семакова, С.Ю. Николаева. Именно благодаря им песенную традицию михайловских людиков можно считать если не самой исследованной, то наиболее полно зафиксированной. Материалы, собранные ими, находятся или в личных коллекциях, или в архиве петрозаводской консерватории.

В начале XXI в. к записи людиков вернулись фольклористы. В 2001 г. в Виданах и Петрозаводске работали В.П. Миронова и Л.И. Иванова. Было собрано много мифологической прозы, заговоры, легенды (о потопе), предания (о священном острове, о камнях-следовиках), сведения о календарных праздниках, обрядах, гаданиях, народной медицине.

В 2002 г. в Михайловское ездила В.П. Миронова. В 2011 г. состоялась наша совместная экспедиция, в ее состав был включен и видеооператор Ф.С. Герасимов.

Мы посетили пятерых информантов-людиков, записали много быличек, сведения по народной медицине и верованиям, святочной обрядности. Распространенными на этой территории оказались и так называемые хулиганские частушки, жанр, исполняемый обычно мужчинами, чаще всего в мужской компании или реже там, где есть молодые женщины. Записывать

жанры, включающие обценную лексику (это и заговоры, и частушки, и пословицы, и загадки), было достаточно сложно всегда. Изначально они имели сакральную и обережную функции, поэтому с собирателями этими знаниями не делились. Позже ненормативная лексика попала под запрет по этическим причинам, и информанты считали недопустимым исполнять такие тексты в присутствии посторонних людей. До последнего времени фиксации хулиганских частушек не уделяли должного внимания. Нам их исполнил Алексей Петрович Фомин, глаза которого и в 73 года просто светятся молодым задором и удалством.

Нельзя обойти вниманием и в какой-то мере неожиданный опыт, который во многом состоялся благодаря тому, что в Михайловском в это же время оказалась преподаватель консерватории С.Ю. Николаева со своими студентами.

Обычно мы записываем каждого исполнителя индивидуально. Изредка это супружеская пара или две-три соседки. Но такие групповые беседы не всегда бывают удачными: иногда более интересный информант может замолчать под напором более говорливого, или они перебивают друг друга, и запись получается хаотичной, разговор трудно контролировать. Идеальный вариант, когда собеседники дополняют друг друга, способствуя разматыванию клубка воспоминаний.

В описываемый июньский вечер в Карельском доме, специально построенном финнами для этих целей, собрались шесть женщин 1931—1938 гг. Чувствовалось, что они очень соскучились по общению и рады поделиться своими знаниями с преемщей публикой. Большую роль сыграло то, что они уже были давно знакомы с одним из собирателей (С.Ю. Николаевой) и поэтому не стеснялись нас. В результате получилась уникальная запись беседы, во время которой женщины и пели, и танцевали, и делились воспоминаниями о своей жизни, о праздниках. Песни пелись и лиро-эпические, балладные, и протяжные, и лирические, танцевальные, кадильные. Причем большинство из них были на карельском языке. Их репертуар казался неисчерпаемым. Женщины очень сожалели, что им редко удается собираться вместе, а во время концертов им разрешают спеть только одну-две песни. Они исполнили и хулиганские частушки, и частушки, которые во время беседы пелись специально только для гармониста. Вспомнили детские считалки, игры и колыбельные — что всегда поодиночке

дается трудно. А здесь женщины одна за другой спели 4 разных колыбельных, показали 3 вербальные игры с младенцами, вспомнили 18 считалок. Нам рассказали, как когда-то праздновали Святки и День Кегри, на который сейчас наложился современный праздник День урожая. В карельской традиции в этот день пекут особые пироги-серпы *čirpiierait*, символизирующие завершение осенних сельскохозяйственных работ и года. В связи с этим была рассказана интереснейшая быличка, сюжет которой совпадал с очень редким мифологическим рассказом о Кегри, а персонаж при этом назывался Сюдю. Это свидетельствует о близости данных архаичных образов, ассоциирующихся с границей года и культом предков.

Раньше говорили, что в Рождественский сочельник Сюдю (*Synd*) опускается на землю. Он как на землю опустится, ему на ноги нужны портянки (*hattarat*). Раньше пекли блины, больши-и-ие. Такие большие-большие. Из овсяной муки пекли — нужны для Сюдю портянки. Он на землю опустится, ему нужны портянки. Ходили ряженные (*smuutat*) весь святочный промежуток, до Крещения (*Vederistu*). А перед Крещением пекли сапоги для Сюдю. Ему нужны сапоги на ноги (*soapkat*), он уходит на небо. Сапоги — это пироги (*mušnikat*). Раскатывали сканцы из овсяной муки, разведенной на простокваше, и пекли сапоги... Значит, были у него ноги. Это Бог (*Jumal*) опускался на землю с неба. Двенадцать дней Бог ходил по земле. А в Крещение Бог уходил на небо...

А я Кегри не помнила. Мы такого праздника не праздновали. Осенью праздновали Казанскую. А у нас называли, когда все полевые работы заканчивались, все хлеба и все зерновые убрали — Завершение (*Loppijäizet* 'Окончание?'). Другие говорили — Кегри, а мы — Завершение. Собирались все в одном доме. Не спали... Ездили на Важинскую ярмарку, покупали вино, подарки. И праздновали этот праздник всей деревней. Собирались в одном доме и гуляли. У нас назывался *Loppijäizet*, а раньше говорили день Кегри (*Kegrinpäivü*).

А мама нам рассказывала, была очень давно такая история.

Села женщина в канун Рождества прясть. А в Рождественский сочельник это был грех — нельзя было прясть. Ну и пришел этот Кегри (*Kegr*). Пришел Сюдю (*Synd*). Он пришел напугать, чтобы не дедали больше этого. А говорили, что он приходил еще осенью, во время осенней Казанской. Он еще тогда приходил пугать, чтобы это дело больше

не повторилось. Это Кегри приходил. А у нас говорили Сюдю. Он приходил осенью, и после этого уже больше никто не прят.

Ну, вот. Женщина села прясть. Месяц светит. А ведь раньше ламп не было. Лучина горит, и при ней и ужинали, и все делали. А детей у них было много. А бабушки не было. И женщина не успела спрясть весь лен. Обычно все к этому времени уже заканчивали. После этих праздников уже готовились вязать. Ну, вот. Месяц светит. Она села у окна. А на окнах ведь ни занавесок не было, ничего. Месяц светит, мороз только потрескивает. А морозы были сильные, до 40 градусов и больше. Она прядет и прядет. А раньше ведь двери не запирали, замков не было. И вдруг дверь открывается, и — копна сена в избу вваливается! И у нее двенадцать веретен в руке! Он ударил этими веретенами женщину по пальцам: «Ты чего прядешь в такой вечер!? Бог спустился на землю, а ты вздумала прясть!» Она испугалась! «Вот первый раз петух пропоет, и к этому времени чтобы все веретена были нарядены!» Она испугалась, но хитрая была! «Что сейчас? Убьет меня или что?» А детей — артель! Дети спят наверху на полатах. Она начала прясть. Немного напрядет на веретено, и отложит на лавку. Снова возьмет веретено, снова немного напрядет, и снова положит на лавку. Уже последнее двенадцатое веретено... А шерсти-то на прялке тоже мало! Если все двенадцать веретен полностью прясть, много шерсти сена! Начала последнее веретено прясть — совсем в прялке мало шерсти! Вдруг петух как закукарекает! Копна эта — в дверь! Ушла, только дверь скрипнула. Потом женщина всем про это рассказала: «Никогда больше в Рождественский сочельник прясть не садитесь и ничего не делаете!»

Я у мамы спрашиваю: «Кто такой Сюдю?» — «Бог это. Это Бог спустился на землю с неба в Рождество вечером». Я у матери спрашиваю: «Может, это неправда?» — «Правда это, дочка! Мне рассказала бабушка, а бабушке — прабабушка!» Это исстари было. Раньше ведь всегда в Бога верили. Нет! Это дело есть точно! Хоть на ростань ходили Сюдю слушать... Сейчас народ не верит, в церковь не ходит, развратно себя ведут. А раньше не так жили! (записали в с. Михайловское в 2011 г. Л.И. Иванова и В.П. Миронова от Лидии Константиновны Фоминой, 1938 г.р., местной. Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Диск 3712).

После воспоминаний о разнообразных фольклорно-этнографических

традициях женщины сплясали кадрили и представили современные сценки на карельском языке «Продажа лошади» и «Иван да Марья», которые они с удовольствием показывают во время деревенских праздников.

Завершилась беседа любимыми карельскими песнями («Kazvoikolme čotoaruudu», «Kazvattimimumamo», «Kullervo Kallervonpoigu», «Itkõyneičoiulahuttau») и переводной с русской «Субботени» («Meileonnygõisuvattaine»). В результате получилась наглядная картина живого, естественного бытования фольклорных жанров в условиях традиционного деревенского праздника или беседы (*ildukečoi*) долгим зимним вечером. Не хватало только рукоделия, которым часто были заняты девушки и женщины во время таких посиделок.

В 2012 г. состоялись две комплексные экспедиции к людикам Олонецкого и Кондопожского р-нов. В них участвовали представители нескольких смежных наук (языковеды, фольклористы, этнографы, архитекторы). В итоге после обработки всего собранного материала будет представлен разносторонний взгляд на материальную и духовную культуру народа.

Таким образом, выводы, которые были сделаны сто лет назад о «беспесенности» людиковского края, оказались ошибочными и преждевременными. Народные традиции и фольклор карелов-людиков, испытывавшие русское и ливвиковское влияние, живы и сегодня. И, видимо, будут жить в народе до тех пор, пока жив язык.

Примечания

¹ Баранцев А.П. Фонологические средства людиковской речи. Л., 1975. С. 3—4.

² Kuusi M. Sampo-epos. Helsinki, 1949. S. 65, 79.

³ SKVR — «Suomenkansanvanhatruopot», 34-томный свод карельского и финского фольклора, издававшийся в Финляндии в первой половине XX в. В ссылке римскими цифрами указывается номер тома, арабскими — номер текста в нем.

⁴ Живая старина. 1893. Вып. 3, отдел 4. С. 433.

⁵ Степанова А.С. Эпические песни Южной Карелии / Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1989. С. 81.

Статья написана в рамках проекта «Комплексное экспедиционное исследование людиковского этноязыкового ареала» № 12-11-10602 е(р)

Ж.И. СУРКОВА УРОВНИ И ВИДЫ ВАРИАТИВНОСТИ СКАЗОЧНОГО ТЕКСТА

(к проблеме экспериментальных методов описания и изучения фольклорной традиции)

Осознание теоретической важности анализа повторных записей пришло в отечественную фольклористику в конце XIX в. (в этот период организуются полевые выезды в ранее обследованные районы, например экспедиция А.Ф. Гильфердинга по следам П.Н. Рыбникова). В то время повторные записи изучались главным образом с точки зрения исторического изменения фольклорной традиции. Уже в XX в. они стали рассматриваться в русле проблемы вариативности. Среди подобных исследований особо следует отметить работы К.В. Чистова. Современная фольклористика переводит проблему повторной записи в ситуацию полевого эксперимента.

В ходе экспедиций кафедры русского устного народного творчества МГУ им. Ломоносова метод полевого эксперимента применялся в отношении текстов разных жанров, в частности сказок, которым и посвящена данная публикация. Исследуемые тексты записаны в Кировской обл. в ходе экспедиций с конца 1980-х гг. по настоящее время. Варианты одного и того же сказочного текста фиксировались в разных ситуациях и с разным временным интервалом: от одного дня до нескольких лет. Это сделало возможным изучение повторных записей разных типов — от одного исполнителя или от разных представителей одной локальной традиции.

Полагаем, что сравнение разных по полноте вариантов одного сюжета позволяет выявить разные ступени компрессии текста и, соответственно, уровни консервации его в памяти. С этой целью мы проанализировали четыре варианта сказки «Медведь на липовой ноге». Сравнение текстов показывает, что при повторной записи от разных исполнителей сохраняются основные структурные элементы сюжета и песенные вставки, варьированию же подвергаются формулы-реплики персонажей и различные изобразительные средства повествования. Таким обра-

ЖАННА ИГОРЕВНА СУРКОВА (Москва)